

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ПОИСКАХ ЯЗЫКА ЛЕГИТИМАЦИИ: ФРЕЙМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ОСПАРИВАЕМЫХ ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ¹

Анисья Михайловна Хохлова
(a.khokhlova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Хохлова А.М. (2024) В поисках языка легитимации: фреймирование ценности оспариваемых городских объектов в Нижнем Новгороде. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 202–237.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.8> EDN: LGCCIB

Аннотация. Статья осмысляет роль ценностных ориентиров и дискурсивных практик в низовом активизме, опираясь на идеи «культурного поворота» в социальных исследованиях общественных движений, и анализирует логики и риторические инструменты, с помощью которых градозащитники и их оппоненты легитимируют свои позиции в конфликтах вокруг городских объектов. Она также исследует, каким образом участники конфликтов конструируют (или отрицают и девальвируют) ценность этих оспариваемых объектов. Теоретической рамкой исследования послужила прагматическая социология Болтански и Тевено, в частности классификация «миров оправдания». В фокусе эмпирического анализа оказываются два случая защиты городских парков в Нижнем Новгороде: Автозаводского парка культуры и отдыха и парка «Швейцария». Характерной особенностью этих кейсов выступает то, что оба парка не только являются озелененными территориями общего пользования, но и имеют статус объектов культурного наследия, что позволило предположить использование широкого репертуара инструментов легитимации как противниками, так и сторонниками трансформации этих городских объектов. Опираясь на серию полуструктурированных интервью с участниками конфликтов, а также на публикации в социальных медиа и региональных СМИ, автор с помощью дискурс-анализа (SKAD) выявляет, как акторы артикулировали ценность парков (или ее отсутствие) и к каким мирам оправдания апеллировали в своих нарративах. Анализ данных позволяет проследить формирование особых дискурсивных репертуаров оправдания, характерных для разных сторон конфликтов, и демонстрирует неочевидную роль экологического мира в этих репертуарах.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01093, <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>

Ключевые слова: дискурсивные практики, конструирование/фреймирование ценности городских объектов, инструменты легитимации, «миры оправдания», городской конфликт.

В условиях неолиберальной урбанизации, предполагающей разработку и реализацию коммерческих девелоперских проектов и попытки радикально «цивилизовать» и эстетизировать общественные пространства города для привлечения инвесторов и туристов (Jacobsson, Korolczuk 2020), зачастую возникают ситуации несовпадения (а порой и драматического столкновения) интересов и ценностей различных городских акторов: политических элит, бизнеса, равнодушных горожан и градозащитных групп. Неравенство ресурсов, находящихся в распоряжении участников таких конфликтов, нередко приводит к тому, что горожане обнаруживают себя в позиции проигравших: они лишаются доступа к привычным зонам отдыха и времяпрепровождения, опасаются уничтожения значимых архитектурных и природных объектов, сталкиваются с экологическими угрозами (Медведев 2017; Города расходящихся улиц... 2021).

Что заставляет горожан выступить в защиту объектов городской среды, даже если их шансы на успех (объективно и субъективно) не слишком высоки? Почему они чувствуют ответственность за городские территории? Почему ощущают свою борьбу *осмысленной* (Amna 2010)? Что удерживает их вместе и помогает рекрутировать новых участников градозащитных инициатив? Как активисты понимают и артикулируют ценность находящихся под угрозой объектов? И как они (вос)создают эту ценность (Чернышева, Хохлова 2021), если она является спорной или неочевидной? Как заявляют и оправдывают свои позиции их оппоненты?

В статье я обращаюсь к этим вопросам, анализируя логики и инструменты легитимации участниками городских конфликтов своих заявлений, решений и требований, а также пытаюсь проследить, какими способами фреймируется ценность городских объектов, вокруг которых разворачивается конфликт. Для этого сначала демонстрирую значимость ценностных ориентиров и дискурсивных практик для низового активизма, опираясь на аргументы «культурного поворота» в исследованиях общественных движений. Затем исследую два случая защиты городских парков в Нижнем Новгороде и в качестве основного аналитического инструмента использую классификацию «миров оправдания» Л. Болтански и Л. Тевено (2013).

Культура имеет значение: культурное фреймирование и дискурсивные практики

Исторически акцент в исследованиях низового активизма и гражданского участия делался либо на внутренней организации и динамике инициативных групп и общественных движений, либо на политических процессах и структуре политических возможностей, в которых укоренена деятельность активистов (Goodwin, Jasper 1999; Giugni 2009). Однако в последние десятилетия гегемонные теории политического процесса и структуры политических возможностей подвергаются систематической критике. Одно из самых серьезных обвинений в их адрес связано с переоценкой объяснительного потенциала жестких структурных переменных, созданием амбициозных инвариантных метамоделей и, соответственно, недостаточной чувствительностью к агентности низовых акторов и изменчивой, текучей культуре, подпитывающей их вовлеченность (Goodwin, Jasper 1999). Эта критика стала катализатором «культурного поворота» в исследованиях общественных движений и низового активизма (Jasper 2010).

Первые попытки учесть культурное измерение в исследованиях социальных движений осуществили еще Д. Макадам и соавторы, введя в анализ понятие *культурных фреймов*. Под такими фреймами они понимали «сознательные, стратегические усилия групп людей, которые направлены на формирование разделяемых интерпретаций мира и самих себя, легитимирующих и мотивирующих коллективное действие» (McAdam et al. 1996: 6). Эта идея, видоизменившись, нашла отражение и в более поздней теории полей стратегического действия, разработанной Макадамом совместно с Н. Флигстином, где авторы рассматривают различные арены, на которых индивидуальные и коллективные акторы состязаются за стратегические преимущества в ходе (и посредством) взаимодействия с другими людьми и группами (собственно поля), а также подчеркивают роль согласованных определений акторами границ поля того или иного общественного движения и (хотя бы отчасти) совпадающих интерпретаций процессов, происходящих в нем, в том, чтобы это поле могло (пере)собирается (Флигстин, Макадам 2022).

Такое понимание культурных фреймов перекликается с представлением Ч. Тилли о *репертуаре общественных движений*, т.е. наборе (способов) действий для реализации своих целей, доступных участникам движения. Подобные действия, как правило, уже опробованы в прошлом и в некоторых случаях ритуализированы, т.е. сформированы культурным и историческим контекстом, однако в то же время за участниками движения остается некоторая свобода, связанная с пересмотром и обновлением своего репертуара (Tilly 1995).

Наконец, У. Гэмсон и его последователи указывают на культурное измерение центрального для классических исследований общественных движений феномена возможности. Так, наряду с объективными и воспринимаемыми (замеченными и распознанными) возможностями активистов они выделяют *дискурсивные возможности*, связанные с их заметностью в публичной сфере, коммуникативным резонансом вокруг их деятельности, политической и моральной легитимностью их требований (Gamson, Meyer 1996; Koopmans et al. 2005). Объем этих возможностей зависит, в частности, от того, в какой мере активистам удастся соотнести свои заявления и легитимации с доминирующими дискурсами, понятными как адресатам протеста, так и потенциальным новым участникам движения, и воззвать к ценностям и чувствам широкой общественности (Giugni 2009).

Подходы Макадама, Гэмсона и Тилли объединяет понимание культуры как подручного «набора инструментов» для стратегических действий активистов: привычек, навыков, ритуалов, «знания-как», здравого смысла, разделяемых интерпретаций, убедительных риторик, общепотребимых идиом и пр. (Ciżewska-Martyńska 2018). Однако Гудвин и Джаспер (Goodwin, Jasper 1999) считают эту теоретическую перспективу излишне упрощенной как минимум по четырем причинам. Во-первых, она предполагает строгое различие структурных (политических, институциональных и т.д.) и собственно культурных факторов, причем вторые выглядят как вторичные, вспомогательные по сравнению с первыми. Между тем в реальности провести четкую границу между этими факторами невозможно: культура проникает в структуру и питает ее. Например, возможности часто не просто (не) воспринимаются активистами и (не) репрезентируются в их дискурсе, но и буквально создаются их восприятием и артикуляцией (Goodwin, Jasper 1999: 52–53).

Во-вторых, активисты редко используют вышеуказанные формы культуры полностью осозанно и инструментально (Goodwin, Jasper 1999). Однако это не означает, что фреймирования не происходит; более того, не означает это и что подобное фреймирование не может быть прагматическим. Оно скорее принимает вид некоего «практического чувства», в духе Бурдьё (1998), «чувства игры», балансирующего между привычкой и адаптацией к новым ситуациям. Особенно явно эта двойственность видна в языке и дискурсивных практиках социальных движений. Так, М. Штейнберг показывает, что находящиеся в распоряжении акторов *дискурсивные репертуары* имеют перформативный характер, задавая ограниченный набор возможных фреймов целей движения, идентичности его членов, позиций оппонентов, что, однако, не мешает актерам максимально эф-

фективно использовать доступные дискурсивные инструменты для артикуляции своих заявлений и требований (Steinberg 1995: 60). Вместе с тем дискурсивный репертуар любой стороны конфликтного взаимодействия не является «застывшим». Например, активисты, лишённые доступа к принятию политических решений и вынужденные оспаривать *status quo*, могут создавать новые ярлыки и риторики для номинации проблем, наследовать их у других социальных движений и даже заимствовать у своих оппонентов, в том числе представителей власти; и напротив, в попытках отклонить претензии активистов доминирующие игроки могут использовать их язык, «отзеркаливая» их аргументы или подменяя смысл используемых ими ярлыков (Steinberg 2002).

В-третьих, классический анализ преувеличивает устойчивость отношений между активистами, их союзниками и оппонентами, а также правил, регулирующих их взаимодействия. Вместо этого следует уделять внимание множественным *неопределенностям* и *неожиданностям* как в поле социального движения, так и за его пределами: ведь в ходе состязательного или конфликтного взаимодействия каждая сторона стремится ошарашить, смутить, дестабилизировать и тем самым дискредитировать оппонентов, причем подобные усилия частично спонтанного и тактического, а частично — стратегического характера следует рассматривать как особую форму креативности и культурного научения. Таким образом, в фокусе исследователей должны находиться не только дискурсивные конвенции, но и нарушения этих конвенций.

Наконец, редуцирование культуры до репертуаров возможностей, действий и фреймов оборачивается недостаточным вниманием к моральной и эмоциональной нагруженности коллективной мобилизации и борьбы (Goodwin, Jasper 1999; Jasper 2010). Значимые для группы моральные принципы и мощные групповые эмоции (недовольство, гнев, разочарование, переживание несправедливости, надежда, энтузиазм и пр.), необходимые для формирования и поддержания групповой солидарности и гражданской вовлеченности, а также для рекрутирования новых членов, часто находят отражение в дискурсе движений. Этим объясняется рост интереса ученых к языку активистов, их индивидуальным нарративам, стратегиям и тактикам сторителлинга (Reed 2014; Polletta 2006).

Таким образом, дискурсивные образцы и изменения следует рассматривать одновременно как предпосылку и результат активизма. По мере того как меняются привычные практики говорения о той или иной проблеме: наборы аргументов и ценностей, к которым апеллируют участники дискурса, легитимные наборы понятий, определений и метафор, — участники движений получают возможности для эмоциональной соподстрой-

ки и совладания с негативными переживаниями, (вос)производства групповых идентичностей, мобилизации новых участников, создания альянсов с другими акторами, приобретения публичной узнаваемости и (в наиболее оптимистичном сценарии) расширения возможностей гражданского участия (Giugni 2008; Gamson 1998; Rochon 1998). Вместе с тем активность участников может привести к дискурсивным сдвигам как в поле общественного движения, так и за его пределами. При этом важно наличие не только более или менее согласованных определений проблемной ситуации, но и интригующих и резонансных историй, вызывающих доверие адресатов, перекликающихся с их личным опытом и ценностями, персонифицирующих проблему.

Прагматическая социология Тевено и Болтански как инструмент анализа языков легитимации в городских конфликтах

В статье я обращаюсь к одному из измерений дискурсивных практик городских активистов: логикам и инструментам легитимации своих позиций, заявлений и требований, а также способам фреймирования (зачастую неочевидной) ценности тех городских объектов, которые они защищают. Для исследования этого измерения воспользуюсь наработками прагматической социологии Л. Тевено и Л. Болтански (2013). Преимущество этой концепции заключается в том, что она поднимает вопросы о справедливости и моральном порядке, столь значимые для общественных движений, но при этом отказывается от поиска универсальных и объективных критериев справедливости, а (абсолютно в духе «культурного поворота») обращается к процессам и практикам *обоснования*, т.е. производства конкретными акторами конкретной работы по заявлению и (публичному) оправданию своих решений и действий.

Кроме того, анализируя различные случаи несогласия, споров и конфликтов, Болтански и Тевено подчеркивают общий контекст неопределенности и/или кризиса, в котором вынуждены действовать акторы и в котором они фреймируют собственные позиции и интересы и позиции других акторов, а также ищут интуитивно и ситуативно уместные решения. Вместо того чтобы пользоваться устойчивыми наборами инструментов *обоснования*, акторы на практике опробуют различные способы легитимации и перекликаются между ними, гибко реагируя на оправдания оппонентов и стремясь убедить в своей правоте широкие публики, а порой и самих себя. Такая перспектива перекликается с аргументом о множественных неожиданностях и сбоях во внутренних и внешних взаимодействиях представителей общественных движений (Goodwin, Jasper 1999).

Итак, Болтански и Тевено исходят из того, что в конфликтных взаимодействиях люди зачастую опираются не только на личные интересы, но и на некие общезначимые ценностные ориентиры, что способствует коллективной мобилизации. Первоначально они выделяют шесть относительно автономных режимов оправдания, каждый из которых выстроен вокруг собственной высшей ценности и имеет свою логику обоснования справедливости, не сводимую к логике других режимов. Эти режимы получают название «миров оправдания» (Болтански, Тевено 2013). *Мир вдохновения* опирается на ценности новизны, фантазии, творчества и использует эмоциональные риторические, фреймирующие созидание как обогащающий и возвышающий опыт. *Домашний мир* основан на ценности доверия и предполагает формирование сильных, эмоционально нагруженных личных связей с людьми, вещами, местами. Интеракция между людьми в этом режиме рассматривается сквозь призму родства, близости, заботы; она основана на уважении к традиции или привычке, выступающей авторитетным источником легитимации. *Мир известности* базируется на таких ценностях, как популярность и общественное признание. Задача акторов, действующих в рамках этого «мира», — не только привлечь внимание широкой аудитории к своим проблемам, но и заставить ее отождествлять себя с ними. Прибегая к различным приемам PR и имиджмейкинга, они стремятся к созданию ярких и запоминающихся образов. *Гражданский мир* формируется благодаря стремлению людей к общему, коллективному благу и основан на ценностях солидарности и равенства. Акторы, действующие в этом режиме, поощряют низовую инициативу, стремятся к гражданскому участию через самоорганизацию и мобилизацию, публично выступают от имени своих групп и организаций. *Мир рынка* приоритизирует извлечение прибыли в ходе экономических обменов и оперирует категориями цены, стоимости, инвестиций. Агентам этого «мира» свойственны оппортунизм при использовании ресурсов, конкурентность, отсутствие личных уз и эмоциональная сдержанность в решениях и высказываниях. Наконец, *индустриальный мир* основан на ценностях технической эффективности и продуктивности; в нем действуют квалифицированные эксперты, использующие научный язык и включенные в сети функциональных, стандартизованных отношений.

Болтански и Тевено не считают свою классификацию исчерпывающей и исходят из того, что миры оправдания — это не более чем исторические конструкции, так что по мере возникновения новых значимых дебатов на публичных аренах позднекапиталистических обществ исследователи могут оспаривать релевантность старых миров оправдания или вводить новые. Так, в некоторых работах Тевено и его последователей (Thévenot et

al. 2000; Lafaye, Thévenot 2017; см. также: Foltyn, Keller, Klaes 2023) появляется дополнительный *экологический мир*, отвечающий за ценности экологической стабильности и безопасности и опирающийся на принципы устойчивого развития и возобновляемости ресурсов. Люди, действующие в рамках этого режима, зачастую артикулируют важность экологических инициатив для следующих поколений и необходимость превращения планеты в единую экосистему. Кроме того, Болтански в соавторстве с Э. Кьяпелло (2011) описывает становление еще одного мира — *проектно-ориентированного*. Главными ценностями здесь оказываются активность и возможность инициировать проекты, основанные на слабых горизонтальных связях, причем успешность этих проектов оценивается с точки зрения разнообразия и богатства приобретенного участниками опыта.

При относительной символической и ценностной автономности, миры оправдания не являются закрытыми и изолированными друг от друга: напротив, в фокусе внимания прагматической социологии находятся ситуации «переключения» между «мирами», столкновения принципов и логик нескольких «миров», а также возможности их неосознанного смешения или намеренного комбинирования и примирения. Именно такие коллизии будут интересовать меня в эмпирическом исследовании.

В российской академической дискуссии имеется некоторый опыт исследований городского активизма из перспективы прагматической социологии. Так, Б.С. Гладарев (2011) реконструировал мобилизацию петербургских градозащитников с использованием другого важнейшего аналитического инструмента теории — классификации режимов вовлеченности, — однако способы оправдания деятельности активистов оставались для него периферийным сюжетом. Сходный подход применила О.В. Ковенева (2006) в исследовании коллективных действий активистов в локальных городских экологических конфликтах, но дополнила его кросс-культурным анализом, продемонстрировав использование российскими и французскими инициативными группами разных режимов вовлеченности. В другой работе Ковенева (2008) показала, что анализ и без того сложной конфигурации языков легитимации в экологических конфликтах, заданной смешением разных режимов оправдания, может еще более осложняться тем, что внешне сходные понятия-ярлыки, используемые для номинации спорных объектов в разных культурах, в реальности наполнены разными коннотациями (ср. русское «памятник природы» и французское «monument naturel»). Е.В. Тыканова и А.М. Хохлова (2011) использовали классификацию миров оправдания в анализе риторик градозащитников и подняли вопрос о том, укладываются ли апелляции активистов к исторической и коммеморативной ценности оспариваемых

объектов в какой-либо из выделенных французскими социологами миров оправдания.

Ниже я попытаюсь показать, к каким мирам оправдания апеллируют нижегородские активисты и эксперты, защищая городские зеленые зоны от агрессивного благоустройства и/или коммерческой застройки и конструируя ценность этих оспариваемых территорий, а также в рамках каких режимов оправдания разворачиваются дискурсивные практики их оппонентов. Важно отметить, что моя исследовательская цель не полностью соответствует посылу прагматической социологии: хотя она признает значение репрезентаций представлений акторов о справедливости в публичной сфере и дискурсивных практик их обоснования, но не ограничивается анализом дискурсов и смыслов, а настаивает на необходимости также учитывать повседневные практики людей, их решения и выборы (Болтански, Кьяпелло 2011). Напротив, я сосредоточиваюсь именно на языках легитимации по двум причинам. Во-первых, такой фокус позволяет сопоставить мой анализ с дебатами о роли культуры в социальных движениях, кратко представленными выше. Во-вторых, он связан с ограничениями выбранного метода, рефлексия о которых представлена в следующем разделе.

Эмпирические данные и метод

Я использую дизайн сравнительного кейс-стади (Yin 2003) и обращаюсь к двум случаям конфликтов вокруг трансформаций парковых зон в Нижнем Новгороде. Это борьба нижегородцев против строительства аквапарка и сопутствующей коммерческой инфраструктуры в Автозаводском парке культуры и отдыха (2011–2017), и выступление против масштабного благоустройства парка «Швейцария», предполагавшего создание на территории парка новой инфраструктуры (2019 — настоящее время). Данные кейсы представляются сопоставимыми, поскольку в обоих случаях объектами оспаривания стали зеленые зоны на городской периферии; в конфликты вокруг обоих парков было вовлечено множество акторов, освещавших свои позиции на разных публичных площадках. Кроме того, оба парка имеют статус объектов культурного наследия (ОКН), что делало их особенно привлекательными для анализа, поскольку защитники наряду с экологической повесткой имели принципиальную возможность апеллировать к историко-культурной значимости обеих оспариваемых территорий. Это позволило ожидать использования более разнообразного репертуара языков легитимации как противниками, так и сторонниками проектов.

В поисках инструментов легитимации я анализирую серию полуструктурированных интервью с непосредственными участниками конфликтов

и экспертами. Все нарративы, освещающие спорные взаимодействия вокруг Автозаводского парка, были получены после завершения конфликта, а интервью, посвященные судьбе парка «Швейцария», собраны в два этапа: как в разгар конфликта (2020), так и после завершения его активной фазы, когда основная часть работ по благоустройству была уже выполнена (2022). Дополнительными источниками информации послужили публикации сторон в социальных медиа, а также в региональных СМИ. Использование этих материалов необходимо, во-первых, потому что представители власти и бизнеса оказались закрыты для исследования, так что анализ их «голосов» был вынуждено сведен к публичным высказываниям, а во-вторых, потому что зачастую события описывались участниками лишь ретроспективно, и важно посмотреть, к каким аргументам и риторикам они прибегали непосредственно в ходе оспаривания.

Подчеркну, что использование интервью в качестве основного метода сбора данных и ретроспективный характер большинства собранных эмпирических материалов не позволяют в полной мере выявить и описать практики участников конфликтов: из нарративов мы узнаем не то, как они действовали в разгар событий, а то, как они вспоминают, оценивают и легитимируют свои действия спустя время.

При работе с данными я воспользовалась методом анализа дискурса с позиций социологии знания, предложенным Р. Келлером (Keller 2011; Keller et al. 2018). Этот подход, сокращенно называемый SKAD, опирается на социально-конструктивистскую парадигму и акцентирует агентность акторов в (вос)производстве дискурсов, создании ими выгодных значений, что позволяет ему хорошо монтировать с исследованиями общественных движений в русле «культурного поворота». Одновременно SKAD наследует интерес М. Фуко к отношениям власти и влияния, как репрезентированным в дискурсах, так и создаваемым ими, что делает его адекватным инструментом анализа высказываний разноресурсных акторов в городских конфликтах (Keller et al. 2018).

«Отмените лягушатник!»:

защита Автозаводского парка культуры и отдыха

Автозаводский парк культуры и отдыха, заложенный в 1935 г., расположен в Автозаводском районе Нижнего Новгорода и выступает частью исторического района Соцгород, планировка которого определялась утопическими идеалами города-сада. С 1993 г. парк является ОКН регионального значения. Кроме того, как элемент Соцгорода, он признан частью исторического поселения, так что на его территорию распространяются соответствующие охранные ограничения. Однако это не спасло северную

часть парка вдоль Молодежного проспекта общей площадью 18,5 га от застройки многоэтажными жилыми домами в 2004–2006 гг. Постепенно парк также утратил значительную часть малых архитектурных форм, когда-то украшавших аллеи: павильонов, читален, беседок, фонтанов и пр. (Воронина 2013). В 2012 г. было снесено деревянное здание бывшего кинотеатра «Родина», хотя незадолго до этого эксперты признали историческую, архитектурную и общекультурную ценность этого объекта (Агафонова, Давыдов 2013). Тем не менее парк остается основной зеленой и рекреационной зоной района.

Весной 2005 г. администрация города получила заявку от ЗАО «СК Корос» о предоставлении в аренду на 49 лет земельного участка площадью 1,7 га под строительство аквапарка с гостиницей и в 2006 г. утвердила проект в западной части парка (Воронина 2013). Однако по разным причинам реализация крупномасштабного проекта откладывалась, так что широкая общественность узнала о нем лишь в 2011 г., когда в парке прошла торжественная церемония закладки первого камня на месте будущего аквапарка, в которой приняли участие тогдашний губернатор Нижегородской области В.П. Шанцев и глава Автозаводского района В.И. Солдатенков. Новый комплекс площадью около 7000 кв. м должен был наряду с трехуровневым аквапарком включать крытый стадион с ледовой ареной, развлекательный комплекс, бар, ресторан, дискотеку, магазин спортивных товаров и пр. Представители нижегородских градозащитных и экологических движений и жители района выступили против коммерческого строительства в парке и уничтожения зеленых насаждений, постепенно заручившись поддержкой части экологического экспертного сообщества, а также представителей ряда политических партий. Кульминация конфликта пришлась на 2014–2015 гг., когда, несмотря на общественное недовольство, застройщик, уже располагавший всей необходимой проектной документацией, заявил о готовности приступить к строительным работам. Интересы инвестора на всем протяжении конфликта поддерживали районная, городская и областная администрация, а также некоторые эксперты.

Защитники парка действовали как на публичных (заявляли о проблеме в социальных, а при возможности — и в традиционных медиа, опубликовали петицию и собирали подписи против строительства аквапарка, прибегали к инструментам уличной политики), так и на формальных аренах (делали запросы в различные инстанции о законности строительства, инициировали судебные разбирательства). Изначально они оценивали свои шансы на успех как очень невысокие, поскольку проект аквапарка имел все необходимые разрешения, выглядел коммерчески привлекательным и рекламировался как нацеленный на благо горожан, обеспечиваю-

щий для них новые рекреационные возможности. Однако после того как в 2016 г. Верховный суд признал незаконным строительство в границах охранной зоны, проект аквапарка был все же отменен, а в качестве компенсации инвестор, с которым в 2017 г. был расторгнут договор аренды, получил альтернативный участок.

Что же удерживало активистов вместе в затянувшемся конфликте, несмотря на пессимистические оценки исходов борьбы и множественные ситуативные поражения? Какие ценности их объединяли и как они объясняли себе и окружающим ценность парка?

Казалось бы, основным инструментом легитимации для защитников парка могли стать апелляции к *экологическому миру*. Однако соответствующие дискурсивные практики не являлись доминирующими в нарративах градозащитников. Многие из них объясняли участие в судьбе парка наличием связанных с ним привычек, опыта и памяти. Так, они ностальгировали о детских прогулках и юношеских встречах, указывали на то, что некоторые растения были посажены руками их родителей и дедов, делились личными ассоциациями, связанными с конкретными уголками парка:

*Буквально каждый пятак за пределами парка и внутри парка нами был **освоен**. <...> Мы [с сыном] вечером приходили на хоккейную коробку, <...> включали свет, тренировались. Там такая была в советские времена создана народная спортивная атмосфера <...> У меня отец военный, **родственники автозаводские**. У меня **прадед участвовал в строительстве автозавода** и умер от голода в 43-м году <...> Вся эта местность — мы ее ногами исходили... (И1).*

К личной памяти горожан апеллировали и архивные фотографии парка, которые градозащитники публиковали в социальных медиа. Важная роль парка в современных повседневных практиках горожан отчетливо артикулировалась в онлайн-петиции против застройки парка:

Парк нужен людям — по периметру протоптаны тропки, по которым люди бегают или просто прогуливаются, зимой тут катаются на лыжах; в парке еще советских времен сохранились несколько турников — там тоже постоянно занимаются спортсмены всех возрастов (Петиция... 2015).

Символически приватизируя Автозаводский парк, маркируя его как «свое место», как «малую родину», нижегородцы таким образом фреймировали протест в логике *домашнего мира*:

*...есть место, которое нужно защищать, это наше **родное место** <...> Я помню, собрание было в парке летом, пришло огромное количество простых людей **из района** <...> То есть я видела, как люди действительно реагируют, то есть они понимают, что да, это **их парк** (И2).*

Организуя мероприятия, рассчитанные на публичный резонанс, активисты прибегали к ценностям *гражданского мира*. Они призывали горожан продемонстрировать гражданскую ответственность и солидарность перед лицом нависшей над парком угрозы и легитимировали свою позицию в конфликте тем, что выступали от лица жителей Автозавода или нижегородцев в целом. Так, социальные медиа защитников Автозаводского парка (2015–2016) встречали новых пользователей обращениями: «Давайте спасать парк **вместе!** Мы живем в одном городе!», «**Вместе** мы сила!» Члены инициативной группы подчеркивали, что собрали более 10 тыс. подписей против возведения аквапарка. Ретроспективно успешную защиту некоторые информанты связывают именно с многолетней бескорыстной и хорошо скоординированной работой активистов в стремлении к общему благу:

*У нас концепция была простая: если автозаводцы **реально самоорганизуются** вокруг этого объекта, то они его отобьют. И эту мысль мы постоянно доводили до жителей города, что проблема решается только одним: вот если вы, автозаводцы, **дружно скажете**, что вам это не надо, то проект умрет. <...> люди там огромное количество сил и времени потратили. Там были, наверное, сотни пикетов, тонны листовок. И **автозаводцы, реально автозаводцы** высказали свою позицию, долго они ее пробивали (И3а).*

Институционально самоорганизация горожан была закреплена в форме создания попечительского совета парка. Тем не менее градозащитники признаются, что им не удалось мобилизовать жителей Автозаводского района в той мере, в какой им бы этого хотелось, и жалуются на невовлеченность и индифферентность местных жителей:

*...мы там ходили в пикеты, собирали подписи у входа в Автозаводский парк, и реально половина посетителей этого парка: «Ну и что?! **Ну и плевать**, пускай строят!» (И4).*

Они указывают на закрытость активистского ядра и проблемы рекрутинга:

Потому что, если есть проблема, внутри оказываются приблизительно одни и те же люди. Мы все знаем друг друга не один десяток лет, потому что мы все оказываемся там, и не нужно никого [специально] привлекать. Люди сами по себе привлекаются. <...> То есть вы видите на одних и тех же картинках одни и те же физиономии. Где молодежь, где свежая кровь, где наша смена? (И5).

Это не означает, однако, что общественная поддержка неважна для активистов, напротив, они признают необходимость привлечения горожан путем совершения публичной работы по производству и подтверждению ценности парка и сожалеют, что им не хватило для этого ни ресурсов, ни мотивации.

При этом ценности *мира известности* не являются имманентными для дискурса активистов: слава и признание не артикулируются ими как самоцель, хотя некоторым из них и удалось со временем аккумулировать символический капитал. Публичный резонанс рассматривается ими предельно инструментально: как способ символического давления на оппонентов:

*...я начал другие сайты [создавать], свои стал делать блоги, там, в Ютубе, в соцсетях, каждую акцию я провожу, я делаю отчет, я делаю фотки <...> **Если этого нет в интернете — этого нет** (И6).*

Риторика *мира рынка* также используются градозащитниками, но исключительно как способ стигматизировать оппонентов, указав на их корыстные интересы и одержимость прибылью в ущерб общественному благополучию:

...администрация города, там, Департамент по строительству на заседании предложили [инвестору] варианты. Говорят: «Мы вам будем содействовать, вот вам предоставим такие-такие земельные участки на ваш выбор». Он не стал нигде строиться. Потому что ему нужен был тот парк. А потому что в парке, видимо, были какие-то особые [коммерчески выгодные] условия для строительства (И7).

Функции попечительского совета по завершении конфликта видятся преимущественно в создании гражданского противовеса бизнесу, с его неконтролируемыми попытками обогащения:

Значит, это стандартная беда: когда парк отдают кому-то на кормление, то поставить границу. По идее, это должна делать власть.

*Но обычно у нее не хватает ни валентности, ни желания, поэтому в результате попечительский совет пытается эту **алчность арендаторов сдерживать** (И3а).*

На протяжении конфликта защитники парка стремились оспорить законность строительства. Впервые они попытались опротестовать выделение участка под возведение аквапарка в зеленой зоне и одновременно в границах ОКН еще в 2013 г. и даже добились промежуточной победы, когда районный суд признал действия областного управления госохранкультуры по согласованию проекта незаконными, но последующие раунды судебных заседаний проиграли: «И мы выиграли этот суд. Они подали апелляцию, мы второй проиграли и все проиграли дальше» (И7). Тем не менее укладывающиеся в логику *индустриального мира* аргументы о том, что проект застройщика не соответствует букве закона, сохранились в нарративах защитников парка и вновь стали доминирующими, когда летом 2015 г. они в судебном порядке обжаловали постановление губернатора о сокращении границ Автозаводского парка:

*В июне мы оспорили в суде указ губернатора... о корректировке границ объекта культурного наследия, согласно которому примерно 5 га Автозаводского парка были «скорректированы» в пользу [застройщика]. В конце августа Нижегородский областной суд (первая инстанция) встал на нашу сторону. В октябре Управление по охране культурного наследия области направило апелляцию, которую сегодня Верховный суд не поддержал. Наше решение оставили в силе. Спустя 11 лет жители доказали властям, что их решение о строительстве на территории парка является **незаконным!** (СМЗАП 2016).*

В интервью активисты также апеллируют к тому, что проект строительства был неприемлем, так как дважды нарушал формальные правовые рамки:

*Территория... была рекреационной и одновременно была ОКНовской: подпадала под регулирование природоохранного законодательства и под законодательство об охране культурного наследия. А ее вырезали оттуда и оттуда. Такие вещи со стороны властей недопустимы. Если есть охраняемая законом зеленая зона, вы **должны этот закон выполнять** (И5).*

Деятельность активистов, направленная на защиту статуса парка в качестве ОКН, в правовом поле подкрепляется их попытками заявить культурно-историческую ценность этой территории:

Автозаводский район — это уникальная вообще территория — Соцгород Автозавода: там... с 30-х по 35-е... была такая идея города солнца. Значит, люди живут в общежитиях, у них все общее, они трудятся на каком-то предприятии, у них общий быт и общее развитие: библиотеки, все общее, столовые буквально. И вот по этому принципу построили наш Автозавод. <...> Значит, улицы, формы домов буквально, вот этот самый парк разбили, ширина улиц — все должно быть комфортно. Это единый проект, там есть у него какая-то территория, она охватывает несколько кварталов, но это называется «историческая территория Нижнего Новгорода», она уникальная. В Германии знают соцгорода. Они практически сейчас везде разрушены, остался только у нас. И парк тоже входит в эту историческую территорию Соцгорода (И2).

Напротив, архитектурная, инфраструктурная или рекреационная ценность аквапарка отрицается: он снижающе номинируется как «лягушатник» и «лужа с горками» (СМЗАП 2015).

Производимая защитниками культурно-историческая ценность парка была впоследствии дополнена его *коммеморативной ценностью*: в годы ВОВ здесь располагалась боевая позиция зенитной батареи, где служили в основном женщины:

Строительство РАЗРЕШЕНО на месте боевой славы, где проливали кровь и мужественно защищали наш Автозавод герои — 15 зенитная батарея 784 полка (СМЗАП 2015).

В этой связи градозащитники фреймировали коммерческую застройку парка как «кошунство» и «надругательство над памятью о подвиге» (На участке... 2015) и при поддержке ветеранов потребовали заменить планируемые объекты коммерческой инфраструктуры памятником, который увековечил бы героизм зенитчиц, разбить рядом с ним аллею памяти (Памятник зенитчицам... 2016) и восстановить снесенный деревянный кинотеатр «Родина», возведенный в 1944 г. и ассоциирующийся у переживших войну автозаводцев с радостью победы. Ретроспективно активисты оценивают апелляции к коммеморативной ценности парка как важный инструмент легитимации своих требований, оказавшийся весомым в глазах политических элит:

Там реально люди погибали, кровь проливали, а вы хотите построить там аквапарк <...> Это очень хорошо сыграло (И6).

При этом обращения к собственно *экологической ценности* парка оставались для его защитников как будто само собой разумеющимися. На плакатах во время народных сходов и пикетов (СМЗАП 2015), а также в электронной петиции (2015) парк номинировался как «*легкие Автозавода*»; множество раз активисты выражали озабоченность перспективой вырубки больших массивов здоровых деревьев и кустарников. Но все же в рамках *экологического мира* свой дискурс выстраивали преимущественно эксперты, указывавшие на значимость парка не только для нынешних жителей, но и для будущих поколений нижегородцев:

Любое дерево — это жизни. Любая застроенная зеленая территория — это убитые жители (ИЗ, см. СМЗАП 2016).

Проблематичность апелляций к ценностям *экологического мира* отчасти объясняется тем, что на момент конфликта парк находился в довольно запущенном состоянии: многие растения в нем погибали, а новые посадки практически не осуществлялись, на что жаловались и местные жители, и эксперты, которые видели в деградации парка отдельную угрозу, не меньшую, чем перспектива строительства:

Выяснилось, что деревья погибают, причем массово. У них там этот дренаж, который в 30-е годы построен был и, по-моему, никогда не ремонтировался, просто забился... Общественность завопила о том, что администрация города в массовом порядке вырубает деревья в парке и, таким образом, готовит место под строительство аквапарка. Я же пояснил, что вырубка идет потому, что деревья сохнут. <...> [Другое дело, что] если речь идет о профилактике болезней деревьев, фитосанитарии, то ничего правильного в вырубке нет. Ведь при вырубке одного дерева повреждаются несколько рядом с ним стоящих (И8).

Если градозащитников и дружественных им экологов бедственное состояние парка заставило потребовать от администрации отказаться от коммерческой застройки этой озелененной территории в пользу ее щадящего благоустройства, то для сторонников аквапарка оно стало дополнительным аргументом, девальвирующим экологическую ценность оспариваемой территории:

Для информации: парк не является легкими города, поскольку не вырабатывают хоть сколько-нибудь достаточного объема кислорода (СМСА 2015).

Компания-инвестор, в свою очередь, обещала компенсировать нанесенный строительством экологический ущерб и даже превентивно осуществила высадку новых растений:

[Генеральный директор] начал активную деятельность. Он начал деревья сажать, приглашал какую-то организацию... заказал деревья, говорит: «Вот я еще парк-то не строю, а вот деревья-то смотрите, то есть я деревья-то буду вырубать, а вот я уже сажаю, видите, какой я хороший» (И7).

Дискурс компании-застройщика и поддерживающих ее представителей администрации на протяжении конфликта разворачивался преимущественно в рамках *индустриального* и *рыночного* миров. С одной стороны, бизнес и чиновники подчеркивали законность проекта, наличие всех необходимых согласований и разрешений:

*Наше кредо — **действовать в рамках закона**. Поэтому мы не начнем строительство, пока не будут пройдены все **процедуры согласования** (Сторожук 2012).*

С другой стороны, строительство аквапарка позиционировалось как прибыльный проект, способный привлечь в город новые туристические и инвестиционные потоки и пополнить городской бюджет, а комментируя задержки в реализации проекта в связи с инициированными градозащитниками судебными разбирательствами, глава компании указывал именно на серьезные финансовые убытки:

*Если честно, ущерб это наносит очень существенный: я даже не веду речь о сгоревших нервах — это уже наши личные проблемы. Вопрос в том, **сколько денег мы уже потеряли** из-за затягивания процедуры согласований (Сторожук 2012).*

Схожим образом он высказался и в ситуации отмены проекта:

*Наша компания **вложила огромные средства** не только в проект аквапарка, но и в развитие, в благоустройство самого Автозаводского парка. Поэтому отказываться от проекта мы не намерены.*

Однако способы легитимации проекта строительства аквапарка не ограничиваются двумя «мирами»: они гораздо разнообразнее и нюанс-

рованнее. Так, нередко обнаруживаются апелляции к *домашнему миру*. Аквапарк описывается как будущий центр притяжения для автозаводцев, место реализации их повседневных рекреационных практик, семейного досуга. Так, в своей речи, посвященной закладке первого камня, В.П. Шанцев подчеркнул:

*Когда у нас будет свой аквапарк, то людям не придется больше ехать за пределы области, чтобы **отдохнуть со своими друзьями и близкими** <...> Одно дело просто гулять по парковым дорожкам, другое — **провести время со всей своей семьей**, посетив такой развлекательный центр (Запуск культурно-развлекательного комплекса... 2011).*

Власти также апеллировали к локальной идентичности Автозавода: «Очень здорово, что этот объект появится именно в Автозаводском районе, который славится своим благоустройством, промышленностью и активным населением. Автозавод — это **сердце и история нашего города**» (Шанцев заложил... 2011), — а аквапарк номинировали как «подарок» к восьмидесятилетнему юбилею района.

Интересны способы использования этой стороной риторик гражданского мира. С одной стороны, они применялись для обесценивания и стигматизации позиции градозащитников. Так, представители инвестора настойчиво занижали число защитников парка и отказывали им в праве выступать от лица жителей района по причине проживания в других частях города:

*Что самое обидное, инициативно-недовольная группа — это всего... три человека. Двое — жители Нижегородского района и одна — автозаводчанка. <...> Кстати, с нашей землячкой нам удастся вести конструктивный диалог <...> Но двое жителей **верхней части города**... Признаться, я не могу понять, что ими движает. Ну почему вдруг они стали так рьяно отстаивать интересы автозаводцев — тем более что **сами автозаводцы их об этом не просили?** (Сторожук 2015).*

С другой стороны, заинтересованным в проекте городским игрокам было важно показать, что строительство аквапарка отвечает чаяниям большинства горожан. Для этого в социальных медиа было создано сообщество «Мы ЗА Аквапарк в Нижнем Новгороде», декларировавшее цель собрать ответственных жителей, заждавшихся открытия аквапарка, и ускорить реализацию проекта:

Уже почти ДЕСЯТЬ лет назад в Автозаводском парке культуры и отдыха был заложен первый камень в фундамент будущего и первого в Нижнем Новгороде Аквапарка. Но, к сожалению, на данный момент строительство так и не началось. Но терпение не вечно, и жители города решили взять дело в собственные руки и во всем разобраться сами. <...> Все Жители Нижнего Новгорода и области, которые неравнодушны к этому вопросу, здесь вы можете найти самую свежую информацию и вложить свою маленькую лепту в общее большое дело (СМСА 2016).

Кроме того, был осуществлен сбор подписей в поддержку проекта:

«Хотите, чтоб был аквапарк?» Какой дурак скажет, что нет? Собираем подписи за аквапарк. В парке — не в парке. «Хотите аквапарк?» — «Конечно, хотим!» (И5).

Наконец, для продвижения проекта бизнес и власти использовали мир известности: они делали громкие репутационные заявления в медиа, призванные создать позитивный имидж будущего аквапарка.

«Они нарезали из парка швейцарский сыр»: защита парка «Швейцария»

Крупнейший в Нижнем Новгороде парк «Швейцария» общей площадью около 380 га находится на высоком правом берегу Оки в Приокском районе. Кроме собственно парковой территории парк, признанный ОКН регионального значения, охватывает водоохранную зону Оки и часть территории памятника природы «Урочище Слуда» (Воронина 2013). Заложен он был еще до революции силами учащихся и преподавателей нижегородских школ по инициативе Городской земской управы и вскоре получил свое историческое название «Швейцария» за красоту пейзажей. Впоследствии «шефами» парка стали комсомольцы завода им. Ленина. Также в развитии этой озелененной территории участвовали рабочие других городских заводов, школьники и студенты. Постепенно захватывая новые территории, в советское время парк пополнялся новыми посадками и благоустраивался: сначала довольно беспорядочно, затем — в соответствии с общим проектом. Состав зеленых насаждений расширился в 1958 г. с закладкой дендрария. На живописных аллеях размещались объекты досуговой инфраструктуры: деревянный кинотеатр, читальня, танцплощадка, а позже — аттракционы. В 1990-е гг. городские власти, не способные поддерживать парк в должном состоянии, передали террито-

рию вдоль пр. Гагарина муниципальному предприятию «Парк Швейцария» в аренду на 49 лет. Примерно в этот период на территории парка был организован зоопарк «Мишутка» (Официальный сайт парка «Швейцария» 2024; Воронина 2013).

Именно вокруг зоопарка, закрытого из-за нерентабельности в 2018 г., первоначально развернулся конфликт: озабоченные судьбой животных градозащитники попытались спасти организацию, однако потерпели поражение. Тем временем городская администрация объявила о предстоящей масштабной реконструкции парка, приуроченной к восьмисотлетию юбилею Нижнего Новгорода. Активисты и эксперты обнаружили, что благоустройство территории будет сопровождаться строительством крупных объектов социальной и коммерческой инфраструктуры (экошколы, детского центра, нескольких коворкингов, музея, ресторана, здания администрации и пр.), а значит, и вырубкой участков парка, выделенных под строительство. Поскольку текущий охранный статус территории не позволял полностью реализовать заявленные планы, в 2019 г. администрация инициировала публичные слушания, где обсуждалась возможность его пересмотра. Это послужило триггером мобилизации активистов, считавших, что предложенные изменения могут привести к уничтожению почти четверти зеленых насаждений.

Кульминации конфликт достиг в 2020 г., когда в преддверии юбилея город получил значительное федеральное финансирование на благоустройство парка (по разным данным, от 3 до 4 млрд руб.). Для осуществления строительных работ несколько участков парка были выведены из-под охранного статуса, против чего немедленно выступили городские активисты. Дальнейший ход борьбы ознаменовался серией публичных акций горожан, в ходе которых они живой цепочкой окружали территорию парка, где уже начались работы. Эти акции дополнили широкий спектр усилий градозащитников в социальных медиа (создание сообществ защитников парка, освещение экологических и правовых измерений конфликта, публикация петиций и сбор подписей, документирование нарушений, допущенных в ходе работ по благоустройству, и т.д.) и в сфере уличной политики (народные сходы и пр.). Также защитники «Швейцарии» были активны на формальных аренах (обращения в органы исполнительной власти и в контрольно-надзорные органы различного уровня о незаконности выведения участков парка из границ озелененной территории общего пользования и о нарушениях при проведении работ). Экоактивистов, градозащитников и местных жителей поддерживали многие представители экспертного сообщества, тогда как другие эксперты выступили на стороне их оппонентов: мощной коалиции, объединив-

шей представителей региональной и федеральной власти, а также подрядчиков.

Несмотря на все усилия, защитникам парка не удалось добиться полного пересмотра проекта благоустройства, однако они все же достигли определенных успехов. В частности, «вырезанным» участкам был возвращен охранный статус, а экологический ущерб от реализации проекта снизился: количество предусмотренных проектом реконструкции построек сократилось, была предотвращена застройка «бровки парка» с нестабильными почвами, сопряженная с рисками обвалов и оползней.

В отличие от автозаводских активистов защитники «Швейцарии» эксплицитно обращались к ценностям *экологического мира* на всех стадиях конфликта:

*...в итоге «по реконструкции» будет вырублено и уже частично вырублено 218 здоровых деревьев <...> Можно ли сохранить эти деревья? Мы уверены, что можно. Нужно лишь желание и способность понять **ценность каждого дерева**, тем более того, которое уже росло полвека, очищая воздух, давая тень людям и приют птицам <...> Напоминаем, что в результате реализации проекта «благоустройства» парк потеряет еще порядка 3500 деревьев (СМЗПШ 2020).*

Они подчеркивали, что благоустройство не только нанесло парку прямой ущерб от вырубок, но впоследствии обернется неизбежной гибелью других зеленых насаждений в результате проведения инженерных коммуникаций и проезда строительной техники, а также уничтожением травяного покрова и плодородного слоя почвы:

*Так как парк очень заселен растительностью, там просто **корни обрубали** [когда прокладывали коммуникации] (И9).*

По комментариям экологов, работы поставили под угрозу редкие краснокнижные виды, а также повредили фауне парка.

Хотя, как и Автозаводский парк, «Швейцария» имеет статус ОКН, ценность этой территории конструировалась ее защитниками преимущественно как *экологическая*: парк описывался как *заповедная зона, уникальный массив широколиственного леса, сокровищница редких растений, легкие города*. Культурная ценность комплекса (например, ограды и входных групп, являющихся предметом охраны, и паркового ландшафта) оставалась периферийной. Отсылки к мемориативной ценности парка также практически отсутствовали, хотя принципиальная возможность

апеллировать к памяти места была: как в дореволюционное, так и в советское время зеленые насаждения парка приумножались усилиями горожан: учащихся, педагогов, комсомольцев, рабочих, а в годы ВОВ жители разбили здесь огороды и пасли скот, так что парк спасал людей от голода. Метафоры, которые активисты использовали для стигматизации проекта в публичных дискуссиях и личных нарративах: «карательное благоустройство», «бульдозерная реконструкция», «экоцид800», — также укладывались именно в логику экологического мира.

Апелляции к экологическим ценностям не прекратились и после окончания основных работ: когда «Швейцарию» вновь открыли для посетителей, члены активистского ядра и профессиональные экологи оперативно осуществили оценку экологического ущерба, нанесенного парку, а также выходят в «экологические дозоры», регистрируя отсроченные последствия реконструкции (например, засыхание и спил деревьев, корни которых были повреждены во время строительства, проведения коммуникаций и установки осветительной системы) и контролируя качество новых посадок:

Зеленый блок там был ужасный. Там видовой состав растений был в основном из кавказских питомников, которые здесь не выживут, потому что они субтропические. И как бы опять-таки удалось достучаться до губернатора, он собрал специалистов... они показали Никитину все косяки в списке видов, и список видов удалось тогда скорректировать (ИЗб).

Результаты своей экспертизы они регулярно публикуют в социальных медиа, а также направляют в областное Министерство экологии и Управление административно-технического контроля. Наконец, они на добровольных началах консультируют руководство парка о том, как восстанавливать его экосистему.

Однако репертуар легитимаций активистов выходил далеко за пределы экологического мира. Ключевыми для них стали, в частности, апелляции к *домашнему миру*, объясняющие их личную озабоченность судьбой парка потребностью защитить *свое место*: давно знакомое и любимое, связанное с биографией и повседневными практиками информантов и их близких:

...Я любитель скандинавской ходьбы. Соответственно с палочками там все ходят, все друг друга знают, здороваются, естественно <...> Во-вторых, там есть площадка для турников, которую мои

друзья построили. Соответственно мы там встречались с ребятами, занимались периодически. Потом все-таки там какие-то были аттракционы, мы с детьми ходили туда гулять (И10).

Аргументы и риторика *индустриального мира* применялись защитниками «Швейцарии» для оспаривания законности проекта благоустройства. В их глазах, капитальное строительство в парке грубо нарушало как Региональный закон 100-З «Об охране озелененных территорий Нижегородской области», так и Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Как не соответствующее букве закона фреймировалось (впоследствии аннулированное под давлением городской общественности) решение городской думы об исключении участков парка общей площадью более 35 тыс. кв. м из границ озелененной территории общего пользования:

Парк — объект культурного наследия, и парк — озелененная территория общего пользования одновременно. Два регламента, которые не позволяют: на озелененной территории не позволяют не соответствующие объекты, объект культурного наследия не позволяет вообще никаких объектов (ИЗб).

Территорию парка с «вырезанными» для капитальной застройки зонами активисты называли «швейцарским сыром» и «решетом, пробитым пулеметом». После возвращения данным участкам охранного статуса, что делало невозможным капитальное строительство на них, активисты упрекали администрацию в манипулировании терминами в проектной документации для реализации задуманных изменений:

Муниципальный заказчик предложил поменять характеристики объектов: с капитальных на некапитальные, и их названия. Яркий пример: «ребрендинг» социального центра, который на глазах превратился в центр доступности среды (СМЗПШ 2020).

Как и в предыдущем кейсе, отсылки к *миру рынка* использовались защитниками парка для конструирования негативного образа оппонентов. Так, они указывали на финансовые злоупотребления при составлении смет и реализации работ по благоустройству:

Наслаждайтесь, друзья! Скамейка за 70 тысяч, урна из тропического дерева (!!!) за 124 тысячи рублей (СМЗПШ 2020).

Притчей во языцех в активистском сообществе стали «золотые туалеты», спроектированные подрядчиками:

А потом, ну, просто там по памяти, там туалет 8,7 квадратных метров — это 5,6 миллионов на строительство туалета. Ну куда?! Это коттедж, простите! (И10).

Однако апелляции к этому «миру» выполняют и менее очевидную функцию: присутствие бизнеса, привлечение новых инвесторов и в целом коммерческая логика развития, ставящая во главу угла извлечение прибыли — зачастую в ущерб природе и горожанам, — конструируются защитниками как главная угроза парку, и своим основным достижением они считают именно снижение будущих рисков коммерческого реновации:

*И все объекты, которые планировались, волшебным образом у нас теперь считаются не капитальными. <...> И это ценно — то, что они не капитальные, потому что ни у кого нет интереса купить этот объект себе, потому что ты его не поставишь на баланс, ты его **не продашь, не перепродашь, не загопишь** никуда, потому что это не капитальные объекты, это сарай. Неважно, что он двухэтажный, на бетонном фундаменте: это никого не волнует. Это сарай по бу-магам, в реестре он не стоит. **Бизнесу становится неинтересно лезть в территорию** (ИЗб).*

Преимущественно для характеристики мотивов и действий оппонентов защитники парка использовали и дискурсивные практики, укладывающиеся в логику *мира известности*. Они подчеркивали, что представители власти через яркие репутационные заявления и широкое медийное освещение сумели представить проект реконструкции в привлекательном свете, пообещав сделать парк современным, красивым и безопасным — в общем «парком мирового уровня», по выражению замминистра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ М.Б. Егорова (Нижегородский парк... 2021). Большинство жителей города, не осведомленных об экологических и сопутствующих рисках, одобрительно отнеслись к перспективе реконструкции, тем более что необходимость благоустройства парка давно назрела. При этом СМИ искажали позицию активистов в конфликте, изображая их ретроградными борцами против любых изменений:

*...все-таки администрация... им удалось навязать вот эту риторiku. За счет, конечно, **массированного медийного освещения**, что, типа, активисты против благоустройства — так прямо капитально. Вот прямо **постоянно приходилось это читать**. <...> Нет, ребята, есть разница между тем, чтобы быть против проекта и против благоустройства (И11).*

Со своей стороны защитники парка сообщают об использовании ресурсов известности и репутации в чисто прагматических целях: для привлечения внимания городской общественности к проблеме и повышения ее осведомленности (И3а самоиронично называет это «рожей торговать»). Аналогичной цели была подчинена организация серии живых цепочек по периметру парка:

*Мы когда стояли в цепочках, машины останавливаются... Год идет реконструкция парка, год! Год закрыта территория забором. Ты мимо нее каждый день проезжаешь! Он встал и говорит: «А вы что стоите, что делаете?» — «А мы парк спасаем». — «А что с парком? Ой, забор!» Забор заметил через год, когда его остановили, извиняюсь, в забор носом ткнули. **Как донести до 1 200 000 жителей города эту информацию, как?!** (И3б).*

Одновременно участие в цепочках описывалось информантами в терминах *гражданского мира*: как возможность встретиться с единомышленниками, в буквальном смысле встать с ними плечом к плечу, пережить эмоционально нагруженное чувство общности:

*...вот какое выражение, есть хорошее: найти **своих** — и успокоиться. Вот у меня такое ощущение было. Потому что вот люди, вот они **неравнодушные**, они в этом же ключе думают, несмотря на то что они разных политических воззрений, у них такое [ответственное] отношение к городу (И12).*

Ценности общей гражданской ответственности и разделяемой идентичности не только удерживали активистов вместе, но и использовались ими как инструмент рекрутинга:

***ВСЕ, кто любит наш нижегородский парк Швейцария в его прекрасном естестве... надо спасти нашу жемчужину... хотя бы попытаться... сделать все, что должно, от себя!** (СМЗППШ 2020).*

Как и в Автозаводе, низовая инициатива горожан получила институциональное закрепление в форме попечительского совета парка.

Примечательно, что здесь ситуативно проявляются даже дискурсивные практики, свойственные *миру вдохновения* и *проектному миру*: активисты и экологи совместно разработали и представили общественности альтернативную концепцию развития парка, нацеленную на поддержание аутентичного природного ландшафта, а нижегородское объединение ландшафтных архитекторов совместно с ННГАСУ организовало проектный семинар «Парк Швейцария глазами молодежи», предложив студентам в командах создать свои сценарии развития паркового комплекса (В полку защитников... 2020).

Что касается языков легитимации, использовавшихся сторонниками благоустройства, то здесь ожидаемо доминировали апелляции к *индустриальному миру*: власти подчеркивали законность всех планов, а также четкое соответствие проводимых работ предписаниям. Так, на встрече с активистами, состоявшейся в феврале 2020 г., губернатор Нижегородской области Г.С. Никитин пообещал:

Какие-то парковки в парке... какой-то бизнес и застройка. Ничего этого не будет. Все требования законодательства будут соблюдены в соответствии со статусом охраняемого объекта (Капитальный отказ... 2020).

Отвечая на критику активистов, связанную с экологическим ущербом от реконструкции, представители администрации были вынуждены также прибегать к аргументам *экологического мира*: описывали состояние парка как аварийное и запущенное, настаивали на том, что вырубаются преимущественно старые и больные деревья, опасные для посетителей, обещали осуществление компенсационных посадок под жестким экологическим контролем. Мэр Нижнего Новгорода Ю.В. Шалабаев, ретроспективно оценивая благоустройство, заявил о том, что экологическая обстановка в «Швейцарии» даже улучшилась:

Чего только не говорили, в общем. Что парк останется голым, без деревьев, без кустарников. В итоге площадь озеленения парка даже увеличилась по сравнению с тем, что было. Деревья стали и кустарники более здоровыми (Шалабаев сказал... 2023).

Представители власти присоединились к всероссийской акции «Сохраним лес», состоявшейся в «Швейцарии» сразу после реконструкции, и поучаствовали в посадке саженцев (Нижегородский парк... 2021).

Наконец, апелляции к *гражданскому миру* использовались инициаторами благоустройства преимущественно для обесценивания заявлений и требований активистов: их число преуменьшалось; им отказывалось в праве выступать от имени горожан:

Да, у нас... здесь идет, прямо хочу сказать, что противостояние отдельной кучки людей... Одни и те же ходят [на общественные слушания], и при том, что интересно, люди... пришли, задали вопросы — и ушли, как будто отчитались. Просто со стороны наблюдать — это заказная тема. А самое-то очень интересное в том..., что пишется: «Вот, мы против», — всё. Люди нормальные говорят: «Боже мой, да мы, наоборот, за то, чтобы парк благоустроили, это же невозможно, что там происходит». А они говорят: «Нет, нам не надо, оставьте все, как есть» (И13).

Более того, реагируя на создание попечительского совета власти учредили объединение-близнец — общественный совет по благоустройству парка «Швейцария» при главе города, которое оттягивало на себя внимание горожан, пыталось легитимировать реконструкцию в их глазах и символически конкурировало с попечительским советом за то, чтобы выступать от имени городской общественности.

Заключение

Итак, в обоих исследовательских кейсах ценность оспариваемых парков не является ни очевидной, ни конвенциональной. Защитники Автозаводского парка культуры и отдыха дискурсивно конструируют его как памятник ландшафтной архитектуры 1930-х годов, элемент утопического проекта города-сада, неприкосновенный объект культурного наследия и лишь во вторую очередь как «легкие района». Экологическую ценность парка для них дополняет, а порой и «перевешивает» его историко-культурная и мемориальная ценность, связанная с эпизодами ВОВ. Напротив, инициаторы и сторонники проекта строительства аквапарка символически обесценивают территорию парка, фреймируя ее как оскудевающую и запустелую, и настаивают на том, что аквапарк не просто оживит угасающую зеленую зону, но и станет настоящим подарком району и городу.

Защитники парка «Швейцария» делают упор на его экологическую ценность, дискурсивно конструируя его как «легкие города», уникальный природный ландшафт, сосредоточие редких растений, тогда как историко-культурная ценность парка (как и в первом случае, формально закрепленная в виде статуса ОКН) остается для них периферийной, а комме-

моративная вовсе не артикулируется. Их оппоненты также признают экологическую ценность парка, однако подчеркивают плачевное состояние территории и настаивают на том, что масштабная реконструкция не наносит экологического ущерба, а, напротив, способствует поддержанию сложившейся в парке экосистемы.

В обоих конфликтах «сильные игроки», стремящиеся реализовать крупномасштабные проекты, демонстрируют схожие способы легитимации своих решений и действий: они последовательно используют язык *индустриального мира* (в автозаводском кейсе комбинируя его с языком *рыночного мира*) и ситуативно дополняют его апелляциями к другим «мирам» (*гражданский мир*, *мир известности* и пр.) для обесценивания и депроблематизации заявлений и требований активистов, «отзеркаливания» их аргументов и создания впечатления общественной поддержки. Между тем активисты и их союзники используют для стигматизации противников преимущественно дискурсивные инструменты *мира рынка*, а для легитимации собственных позиций апеллируют к целому ряду доступных «миров», переключаясь между ними в зависимости от расстановки сил в каждый конкретный момент спорного взаимодействия, имеющихся в их распоряжении здесь-и-сейчас ресурсов, адресата сообщения, выбранных тактик борьбы, тогда как принципиальная доступность аргументов в логике этих «миров» оказывается второстепенной. Так, выход на публичные арены может сопровождаться отсылками к *домашнему* и *гражданскому* мирам, а оспаривание законности действий оппонентов в судебном порядке требует преимущественного использования языка *индустриального мира*. Защитники парка будто осторожно нащупывают уместные и действенные языки легитимации в ситуациях множественных неопределенностей, что вполне соответствует аргументу Болтански и Тевено (2013) о прагматическом характере оправданий.

Обращения к *экологическому миру* выглядят как очевидный инструмент легитимации в конфликтах вокруг городских парков, однако на деле их роль амбивалентна: этот «мир» всегда остается самоценным для экспертной части активистского сообщества, но при этом выступает как «подручный», «самоочевидный» ресурс легитимации для всех защитников. Экологическая ценность парков оказывается фоновой: она настолько естественно «уже там есть» (always already there, см.: Foltyn, Keller, Klaes 2023), что не требует специальных усилий по заявлению и фреймированию. Это означает, в частности, что апелляции к экологическим ценностям не артикулируются отдельно, но как бы встраиваются в аргументы и риторике других «миров». Так, активисты ностальгируют по природным ландшафтам своего детства (*экологический мир* «вкладывается» в *домаш-*

ний), призывают горожан разделить ответственность за зеленые территории (экологический мир «вкладывается» в гражданский), прибегают к экологической экспертизе (экологический мир «вкладывается» в индустриальный).

В каждом из изученных кейсов у активистов обнаруживается свой специфический *дискурсивный репертуар* (Steinberg 1995), предполагающий комбинирование обращений к разным мирам оправдания. Такой репертуар является относительно устойчивым, но внутри него как ответ на развитие конфликта постоянно возникают новые аргументы и метафоры. Использование подобных легитимаций лишь иногда описывается информантами как вполне осознанное и инструментальное, тогда как в большинстве случаев оно происходит ситуативно, спонтанно, интуитивно и связано с интенсивными эмоциональными переживаниями. Это, однако, не мешает таким легитимациям поддерживать вовлеченность активистов, (вос)производить их солидарность и идентичность, несмотря на разный биографический опыт, профессиональный бэкграунд и политические воззрения, а порой — добиваться новых *дискурсивных возможностей* (Gamson, Meyer 1996) в публичной сфере и доносить свои требования до доминирующих участников конфликтных взаимодействий.

Список упомянутых информантов и материалов

И1: м., профессиональный эколог, защитник Автозаводского парка (АП), 2020

И2: ж., экологический активист, участница движения по защите АП, член попечительского совета АП, 2020

И3а, б: м., профессиональный эколог, участник движений по защите АП и парка «Швейцария» (ПШ), 2020, 2022

И4: м., гражданский активист, участник движений по защите АП и ПШ, 2020

И5: ж., экологический активист, участница движений по защите АП и ПШ, член Союза попечительских советов парков НН, 2020

И6: м., гражданский активист, участник движения по защите АП, 2020

И7: ж., экологический активист, участница движения по защите АП, член попечительского совета АП, 2020

И8: эксперт-лесопатолог, 2020

И9: ж., ландшафтный дизайнер, участница движения по защите ПШ, 2022

И10: м., участник движения по защите ПШ, член попечительского совета ПШ, 2022

И11: м., журналист, член экологического объединения, участник движения по защите ПШ, 2022

И12: ж., участница движения по защите ПШ, член попечительского совета ПШ, 2022

И13: ж., представитель департамента градостроительного развития и архитектуры НН, 2020

СМЗАП: социальные медиа защитников АП

СМСА: социальные медиа сторонников аквапарка

СМЗПП: социальные медиа защитников ППП

Литература / References

Агафонова И.С., Давыдов А.И. (2013) *Кинотеатр «Родина» в Автозаводском парке Нижнего Новгорода. Историко-культурная характеристика* [<https://opentextnn.ru/space/nn/dom/kinoteatr-rodina-v-avtozavodskom-parke-nizhnego-novgoroda-istoriko-kulturnaja-harakteristika/>] (дата обращения: 03.07.2024).

Agafonova I.S., Davydov A.I. (2013) *Rodina film theater in Avtozavodsky Park, Nizhny Novgorod. A historical and cultural record* [<https://opentextnn.ru/space/nn/dom/kinoteatr-rodina-v-avtozavodskom-parke-nizhnego-novgoroda-istoriko-kulturnaja-harakteristika/>] (accessed: 03.07.2024) (in Russian).

Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма. *Логос*, 1(80): 76–102.

Boltanski L., Chiapello E. (2011) The new spirit of capitalism. *Logos*, 1(80): 76–102 (in Russian).

Болтански Л., Тевено Л. (2013) *Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов*. М.: НЛО.

Boltanski L., Thévenot L. (2013) *On justification. The economies of worth*. Moscow: NLO (in Russian).

Воронина О.Н. (2013) *Ландшафтная архитектура нижегородских парков*. Н.Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет.

Voronina O.N. (2013) *Landscape architecture of Nizhny Novgorod's parks*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (in Russian).

Гладарев Б.С. (2011) Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. Хархордин О. (ред.) *От общественного к публичному*. СПб.: ЕУСПб: 71–304.

Gladarev B.S. (2011). Historical and cultural legacy of Petersburg: The birth of the public from the spirit of the city. In: Kharkhordin O. (ed.) *From the Communal to the Public*. St. Petersburg: EUSPb: 71–304 (in Russian).

Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России (2021) Отв. ред. Е.В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.

The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia (2021) Tykanova E.V. (ed.) Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Ковенева О.В. (2006) Тернистый путь защитника природы: экологическое действие в России и во Франции. *Неприкосновенный запас*, 2(46).

Koveneva O.V. (2006). The thorny path of a green lobbyist: environmental action in Russia and France. *NZ: Debates on Politics and Culture*, 2(46) (in Russian).

Ковенева О.В. (2008) От «памятника природы» к «monument naturel»? Междисциплинарный подход к асимметрии концептов (на материале французского и русского языков). *Вестник Московского университета*. Сер. 22. Теория перевода, 2: 49–65.

Koveneva O.V. (2008) From a “natural landmark” to a “monument naturel”? An interdisciplinary approach to the asymmetry of concepts (as exemplified in French and Russian languages). *Vestnik of Moscow University*. Ser. 22. Translation theory, 2: 49–65 (in Russian).

Медведев И.Р. (2017) *Разрешение городских конфликтов*. М.: Инфотропик Медиа.

Medvedev I.R. (2017) *Resolution of Urban Conflicts*. Moscow: Infotropic Media (in Russian).

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2011) Ситуативность рамок взаимодействия в условиях защиты локальными сообществами пространства Санкт-Петербурга. *Предел, граница, рамка. Интерпретация культурных кодов*. Саратов; СПб.: ЛИСКА: 170–183.

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2011) Local communities of St. Petersburg seeking to protect urban space: The situational embeddedness of interaction frames. In: *Limits, Boundaries and Frames. The Interpretation of Cultural Codes*. Saratov; St. Petersburg: LISKA: 170–183 (in Russian).

Флигстин Н., Макадам Д. (2022) *Теория полей*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics (in Russian).

Чернышева Л.А., Хохлова А.М. (2021) Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий. *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 223–238.

Chernysheva L.A., Khokhlova A.M. (2021) Creating value and authenticity: Urban conflicts around historical buildings. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(2): 223–238 (in Russian).

Amna E. (2010) Active, passive, or standby citizens?: Latent and manifest political participation. In: Amna E. (ed.) *New Forms of Citizen Participation: Normative Implications*. Baden-Baden: Nomos Verlag: 191–203.

Bourdieu P. (1998) *Practical Reason. On the Theory of Action*. Stanford: Stanford University Press.

Ciżewska-Martyńska E. (2018) The Cultural Perspective in Social Movement Theories and Past Research on the Solidarity Movement. *Polish Sociological Review*, 1(201): 27–45.

Gamson W., Meyer D. (1996) Framing Political Opportunity. In: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.) *Comparative Perspectives on Social Movements*:

Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Cambridge: Cambridge University Press: 275–290.

Gamson W. (1998) Social Movements and Cultural Change. Giugni M.G., McAdam D., Tilly Ch. (eds.) *From Contention to Democracy*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield: 57–77.

Giugni M.G. (2008) Political, biographical, and cultural consequences of social movements. *Sociology Compass*, 2(5): 1582–1600.

Giugni M.G. (2009) Political Opportunities: From Tilly to Tilly. *Swiss Political Science Review*, 15(2): 361–368.

Goodwin J., Jasper J.M. (1999) Caught in a Winding, Snarling Vine: The Structural Bias of Political Process Theory. *Sociological Forum*, 14(1): 27–54.

Jacobsson K., Korolczuk E. (2020) Mobilizing grassroots in the city: lessons for civil society research in Central and Eastern Europe. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33: 125–142.

Jasper J.M. (1997) *The Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Jasper J.M. (2010) Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements. In: Klandermans B., Roggeband C. (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. New York: Springer: 59–101.

Keller R. (2011) The sociology of knowledge approach to discourse (SKAD). *Human Studies*, 34(1): 43–65.

Keller R., Hornidge A.-K., Schünemann W.J. (eds.) (2018) *The Sociology of Knowledge Approach to Discourse. Investigating the Politics of Knowledge and Meaning Making*. London: Routledge.

Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. (2005) *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Lafaye C., Thévenot L. (2017) An Ecological Justification? Conflicts in the Development of Nature. In: Cloutier Ch., Gond J.-P. Leca B. (eds.) *Justification, Evaluation and Critique in the Study of Organizations: Contributions from French Pragmatist Sociology*. Bingley, UK: Emerald: 273–300.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (1996) Introduction: Opportunities, mobilizing structures, and framing processes — toward a synthetic comparative perspective on social movements. In: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam D. (2004) Culture and Social Movements. Gusfield J., Johnston H., Laraña E. (eds.) *Ideology and Identity in Contemporary Social Movements*. Philadelphia: Temple University Press: 36–57.

Polletta F. (2006) *It Was Like a Fever: Storytelling in Protest and Politics*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Reed J.-P. (2014) Social Movement Subjectivity: Culture, Emotions, and Stories, *Critical Sociology*: 1–16.

Rochon T.R. (1998) *Culture Moves*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Steinberg M.W. (1995) Repertoires of discourse: The case of the Spitalfields silk weavers and the moral economy of conflict. In: Traugott M. (ed.) *Cycles and repertoires in collective action*. Durham, NC: Duke University Press: 57–88.

Steinberg M.W. (2002) Toward a more dialogic analysis of social movement culture. In: Meyer D.S., Whittier N., Robnett B. (eds.) *Social movements: Identity, culture, and the state*. Oxford: Oxford University Press: 208–225.

Thévenot L., Moody M., Lafaye C. (2000) Forms of Valuing Nature: Arguments and Modes of Justification in French and American Environmental Disputes. In: Lamont C., Thévenot L. (eds.) *Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States*. Cambridge, UK: Cambridge University Press: 229–271.

Tilly Ch. (1995) *European Revolutions 1492–1992*. Oxford: Blackwell Publisher.

Yin R.K. (2003) *Case Study Research. Design and Methods*. 3rd ed. London: Sage.

Источники

В полку защитников парка Швейцария прибыло (2020) *Сайт экоцентра «Дронт»* [<https://dront.ru/news/2020/03/13/v-polku-zashhitnikov-parka-shveysariya-pribylo/>] (дата обращения: 15.05.2024).

Запуск культурно-развлекательного комплекса с аквапарком в Автозаводском районе произойдет в апреле 2014 г. (2011) *ИМХО-НН* [<http://imhonn.ru/obeshania/30?ysclid=m1ncodu67q122284573>] (дата обращения: 31.05.2024).

Капитальный отказ. Губернатор поручил пересмотреть проект парка «Швейцария» (2020) *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/4260896?ysclid=m1q7w7jsk796005097>] (дата обращения: 15.05.2024).

На участке, отданном под аквапарк, активисты предлагают увековечить память о зенитчицах (2015) *Комсомольская правда-Нижний Новгород* [<https://nn.mk.ru/articles/2015/03/17/na-uchastke-otdannom-pod-akvapark-aktivisty-predlagayut-uvekovechit-pamyat-o-zenitchicakh.html>] (дата обращения: 30.05.2024).

Нижегородский парк «Швейцария» стал площадкой Всероссийской акции «Сохраним лес» (2021) *Комсомольская правда — Нижний Новгород* [<http://imhonn.ru/obeshania/30?ysclid=m1ncodu67q122284573>] (дата обращения: 31.05.2024).

Памятник зенитчицам предлагается установить в Автозаводском парке (2016) *Вести Приволжье. ГТРК «Нижний Новгород»* [<https://vestinn.ru/news/society/54307/>] (дата обращения: 31.05.2024).

Петиция «Требуем остановить уничтожение и застройку Автозаводского парка в г. Н. Новгород» (2015) [<https://chng.it/dgh9gdLqm4>] (дата обращения: 31.05.2024).

Сторожук С. Водно-семейные радости (2012) *Автозаводец* [<https://lib-avt.ru/kraevedenie/texts/vodno-semeynye-radosti>] (дата обращения: 31.05.2024).

Шалабаев сказал, что не стоит переживать из-за прокладки газопровода в Щербинках. Он привел в пример «Швейцарию» (2023) *Новостной портал «Нижний Новгород онлайн»* [<https://www.nn.ru/text/gorod/2023/06/14/72397124/>] (дата обращения: 21.05.2024).

Шанцев заложил первый камень в строительство нижегородского аквапарка (2011) *Информационное агентство «Время Н: новости Нижнего Новгорода»* [https://www.vremyan.ru/news/shancev_zalozhil_pervyj_kamen_v_stroitelstvo_nizhegorodskogo_akvaparka_foto.html?ysclid=m1nbin50w6629457793] (дата обращения: 24.05.2024).

IN SEARCH OF THE LANGUAGE OF LEGITIMATION: FRAMING THE VALUE OF CONTESTED CITY OBJECTS IN NIZHNY NOVGOROD

Anisya Khokhlova (a.khokhlova@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Sociological Institute of the RAS — branch of the FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

Citation: Khokhlova A. (2024) In search of the language of legitimation: framing the value of contested city objects in Nizhny Novgorod. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 202–237 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.8> EDN: LGCCIB

Abstract. The paper inspired by the ‘cultural turn’ in social movement studies seeks to comprehend the role of value orientations and discursive practices in grassroots activism, and analyzes the logics and rhetorical tools that urban activists and their opponents use to legitimize their positions in conflicts around city objects. It also studies how conflict participants construct (or reject and dismiss) the value of these contested objects. L. Boltanski’s and L. Thévenot’s pragmatic sociology and, in particular, their classification of ‘orders of worth’ serves as the theoretical framework of the research. Empirically, the paper focuses on two cases from Nizhny Novgorod where the urbanites attempted to protect city parks: Avtozavodskiy park of culture and recreation, and park ‘Switzerland’. A characteristic feature of the cases is that both parks are not only public greenspaces, but also formally recognized cultural heritage sites, which makes it possible to expect a wide-ranging repertoire of legitimation tools both from the proponents and the opponents of the transformations of these city territories. Relying on a collection of semi-structured interviews with conflict participants as well as publications in social media and regional news outlets, the author applies SKAD to reveal how the actors articulated the value of parks (or the lack of such), and what orders of worth they resorted to in their narratives. The analysis reveals the shaping of the discursive repertoires of

justification specific for different parties to urban conflicts, and demonstrates the controversial role of the green worth in these repertoires.

Keywords: discursive practices, the construction/framing of the value of city objects, legitimation tools, orders of worth, urban conflict.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01093. <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>